

Научная статья
УДК 34.01
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-158-167>

Уважение в праве: эволюция нормативного закрепления и доктринального осмысления

Гогитидзе Дарья Алексеевна

Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС, Ростов-на-Дону, Россия,
dawa.98@mail.ru

Аннотация. Автор статьи предпринимает попытку определения сущности феномена «уважение» применительно к государственно-правовым закономерностям его эволюции в нормативных правовых актах, правоприменительной практике и исследованиях ученых. Анализируются отдельные исторические памятники права, законодательство советского периода развития отечественного государства и права, а также современная политико-правовая доктрина понимания уважения как элемента правовой действительности. На основании этого делается вывод о позиционировании уважения преимущественно в двух проекциях: как нравственно-этического регулятора общественных отношений, а также в качестве нормативного требования, но имеющего духовную природу. Доказывается определенного рода эволюция уважения в праве: от нравственно-этической ценности к юридическому принципу. Постулируется, что сегодня уважение в праве необходимо рассматривать через его двуединую природу с проекцией в качестве принципа российского права, основывающегося на нравственно-этических ценностях, то есть в рамках чувственной и деятельностной нормативной составляющих. Предлагается авторская трактовка понятия «уважение в праве», делается вывод о потребности полноценного, общетеоретического исследования уважения, формирования его доктринальной концепции.

Ключевые слова: уважение, почтительное отношение, права человека, нравственность, духовность, достоинство

Для цитирования: Гогитидзе Д. А. Уважение в праве: эволюция нормативного закрепления и доктринального осмысления // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 158–167. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-158-167>.

Original article

Respect in law: the evolution of normative consolidation and doctrinal understanding

Darya A. Gogitidze

South Russian Institute of Management — branch of RANEPa, Rostov-on-Don, Russian Federation,
dawa.98@mail.ru

Abstract. The author of the article attempts to determine the essence of the phenomenon of “respect” in relation to the state-legal patterns of its evolution in normative legal acts, law enforcement practice and research by scientists. The article analyzes individual historical monuments of law, the legislation of the Soviet period of the development

© Гогитидзе Д. А., 2024

of the national state and law, as well as the modern political and legal doctrine of understanding respect as an element of legal reality. Based on this, it is concluded that respect is positioned mainly in two projections: as a moral and ethical regulator of public relations, as well as a normative requirement, but having a spiritual nature. A certain kind of evolution of respect in law is proved: from a moral and ethical value to a legal principle. It is postulated that today respect in law must be considered through its dual nature with projection as a principle of Russian law based on moral and ethical values, i. e. within the framework of sensory and activity normative components. The author's interpretation of the concept of "respect in law" is proposed, the conclusion is made about the need for a full-fledged, general theoretical study of respect, the formation of its doctrinal concept.

Keywords: respect, respectful attitude, human rights, morality, spirituality, dignity

For citation: Gogitidze D. A. Respect in law: the evolution of normative consolidation and doctrinal understanding. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 158–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-158-167>.

Сегодня термин «уважение» в различных проекциях прочно вошел в повсеместное употребление. К слову сказать, Президент Российской Федерации В. Путин в ходе ежегодной пресс-конференции неоднократно указывал на необходимость уважительного отношения к отечественной истории, говорил о собственных чувствах уважения к русским людям, вере в русский народ, требовал от государственных служащих уважать просьбы граждан и пр. [1]. Такая палитра смыслообразующих концептов уважения (в том числе, правовых — от диспозитивных до императивных) подталкивает к активизации научного поиска и установлению роли и значения феномена «уважение» в нынешних условиях государственно-правового строительства. Сделать это без краткого анализа эволюции данного феномена как применительно к доктринальным разработкам, так и относительно нормативного закрепления, как думается, нельзя.

Категория «уважение» обязана своим появлением в науке — философскому знанию. Благодаря фундаментальным работам в области изучения внутренней сущности человека и определения его лучших качеств (И. Кант) [2, с. 131–168], этики воспитания детей (Дж. Локк) [3, с. 265–268], влияния религии на личность (М. Бубер) [4, с. 16–26], моральной стороны социума, путей обнаружения нравственного императива человека (Э. Левинас и пр.) [5, с. 34–63], уважение прочно вошло в общенаучный дискурс.

Сегодня исследователи в области социологии, теологии, психологии, педагогики, литературоведения [6; 7] с большим вниманием относятся к данной категории, предпринимая попытки обнаружить ее место в системе социальных ценностей, определить значение, перспективы эволюции в рамках изменяющегося мира.

Далеко не сегодня и юристы поддержали посыл необходимости установления нравственной стороны права через обращение к феномену

«уважение». Разработки в этой области, осуществленные Г. Еллинеком [8, с. 19–44], Г. Спенсером [9, с. 5–9] и другими (преимущественно западными авторами) создали прочную основу для современного взгляда на проблематику уважения в праве. В развитие их взглядов видные отечественные ученые стали призывать не только к нормативному закреплению требований уважения в праве и государстве, но и рассматривают данный аспект в качестве национальной идеи [10].

Необходимо признать, что в рамках общемирового пространства в качестве правового явления «уважение» появилось на заре становления универсальных источников закрепления общепризнанных прав и свобод человека. Выдвинем осторожное предположение, что феномен «уважение» нашел свое выражение в государственно-правовых актах (пусть и латентно, лишь по смыслу) как раз в результате проекции идеи свободы личности на общественные отношения. Данный тезис можно развивать бесконечно, поэтому здесь лишь позволим себе привести наиболее характерные примеры содержательного указания на необходимость уважения личности в некоторых фундаментальных исторических памятниках права.

В частности, в положениях Великой хартии вольностей просматривается идея уважения, как в отдельных положениях — «Никому мы не продадим, никому не откажем и не отсрочим права и справедливости», так и в рамках общего посыла данного акта: «мы желаем и неизменно предписываем, чтобы <...> все жители нашего королевства имели и пользовались всеми вышеуказанными вольностями, правами и пожалованиями прекрасно и мирно, свободно и спокойно, вполне и неприкосновенно» [11, с. 136].

Следует отметить некоторую особенность и отечественного исследования феномена «уважения». В частности, дореволюционная, а затем и ранняя советская юридическая наука весьма

осторожно относилась к феномену «уважения», если не сказать большего, а именно — мягко говоря, игнорировала его. Об этом свидетельствует как обращение к научной справочной литературе [12, с. 303; 13, с. 699], так и к исследованиям в области познания общих закономерностей развития государства и права. К примеру, классик дореволюционного права Г. Ф. Шершеневич весьма скептически высказывался об уважении как категории юриспруденции, не допуская ее включения в содержание правовых установлений, отводя ей место в религиозно-нравственном ряду понятий, и связывая с чувственной рефлексией: «Право имеет дело только с действиями, но не с чувствами. Если бы право взяло на себя определить уважение, любовь, страх перед Божеством, то такие нормы определяли бы в действительности не отношение человека к Божеству, а отношение одного человека к другим» [14, с. 20].

Данный факт можно объяснить, как думается, категоричным восприятием уважения в нравственном, психологическом ключе, при полном отсутствии формально-юридических критериев определения его сущности. В частности, в философском словаре под редакцией Э. Л. Радлова уважение понимается как «смешанное чувство», с одной стороны, вызываемое признанием ценности чего-либо, а с другой — «затрагивающее лучшие стороны души» [15, с. 256].

В такой интерпретации юридизировать данную категорию, придать ей правовую форму и наполнить нормативным содержанием, действительно не просто. Возможно, в этой связи в доктринальных источниках по правоведению того времени феномен «уважение» практически не встречается либо позиционируется вскользь. К примеру, в работах П. А. Брюнелли, А. С. Алексеева не упоминается, к сожалению, о необходимости уважения прав и свобод гражданина (русских подданных) [16; 17, с. 253–270]. Фактически лишь подбирается к осмысленному позиционированию уважения в качестве нравственно-этического элемента юриспруденции Ф. Регельсбергер в главе «Право, нравственность, нравы», но аналогично — не указывает его в прямой постановке [18, с. 6–12].

Между тем нормативные правовые акты XIX века, хотя явно и не содержали посылов к уважению основополагающих ценностей общества и государства, но по смыслу своему указывали на отдельные проявления такого требования. К примеру, один из наиболее прогрессивных документов эпохи реформ,

определяющий начала отечественной уголовно-процессуальной деятельности, обращал внимание на необходимость, например: внимательного отношения к достойным условиям содержания лиц, подозреваемым в совершении преступления: «никто не может быть содержимъ въ помѣщеніяхъ, не установленныхъ на то закономъ» [19, с. 15], запрета повторного уголовного преследования: «Оправданный вошедшимъ въ законную силу приговоромъ надлежащего суда не можете быть вторично подвергнутъ слѣдствію и суду по тому же самому преступленію, если бы даже открылись къ его изобличенію новыя обстоятельства» (ст. 21), заботы о восстановлении доброго имени, чести участника судебного разбирательства: «Возстановленіе чести и правъ невинно осужденнаго допускается во всякое время, несмотря ни на протеченіе давности, ни на смерть осужденнаго» (ст. 26) и пр.

В определенном смысле положительные изменения в части активизации научного и практического интереса к феномену «уважение» в рамках государственно-правовых преобразований произошли после 1917 года. В этот период уважение от абстрактной идеи чувственного, духовного характера, начинает приобретать очертания нравственно-правового начала, в частности, применительно к правам, свободам женщин. Так, по крайней мере, постулировала одна из преамбул постановления ЦИК и СНК СССР: «Ни в одной стране в мире женщина, как мать и гражданка, на которой лежит большая и ответственная обязанность рождения и воспитания граждан, не пользуется таким уважением и защитой закона, как в СССР» [20]. Профессиональное сообщество советских юристов начинает опираться на категорию уважения в тех случаях, когда, помимо юридической оценки, делу необходимо придать морально-нравственную, идеологическую. Такой тезис следует из краткого анализа интерпретационных актов, в текстах которых уважение включается для подчеркивания значимости тех или иных общественных благ, ценностей. К примеру, «хулиганство в условиях социалистического общества представляет собой посягательство на правила социалистического общежития, уважение к которым является, согласно статье 130 Конституции СССР, одной из основных обязанностей советских граждан» [21].

Далее уважение стало рассматриваться в качестве первоосновы для осуществления профилактической, воспитательной работы со специальным контингентом, которое должно было

строиться на началах «уважения к правилам социалистического общежития» [22]. Еще позднее уважение как принцип начало проецироваться на все права человека, его честь и достоинство [23].

Сказанное делает возможным осуществить переход от рассмотрения уважения в качестве абстрактной идеи — к иной ипостаси, проявляющейся в его свойствах императива для построения общественных, в том числе правовых отношений. Такое позиционирование уважения наполнило его свойствами формально-юридического требования, то есть, соответственно, принципа права.

Советский период развития права и государства, как известно, характеризовался идеологизированным подходом к изучению их закономерностей. Так, П. Т. Полежаи принципы права рассматривал как воплощенные в праве основополагающие, руководящие идейные начала (положения), отражающие его классовую сущность и целенаправленность и определяющие наиболее существенные черты содержания правового регулирования общественных отношений [24, с. 15].

Полагаем, что ключевым тезисом в данном определении, его ядром выступает указание на источник формирования принципов права. Для нас определяющим является тот факт, что автор не останавливается на нормах права как основном источнике определения принципов права (хотя за ними сохраняется определенное руководящее начало). Эта мысль ученого идет вразрез с популярной для того времени позитивистской гипотезой о том, что правовые принципы находят свое выражение «только и именно в нормах права» [25, с. 33]. В указании на идейные начала мы видим нечто большее, а именно: объективные закономерности построения государства, формирования его правовой системы. И если нормы права будут впоследствии изменяться, отменяться и прочее, то общие закономерности и ценности, направленные на укрепление социальных начал государства, формирование гуманной правовой системы, основанной на примате уважения прав и свобод человека, должны сохраняться.

Наша точка зрения подтверждается ранее высказываемыми гипотезами А. Ф. Черданцева, И. Я. Дюрягина [26, с. 11–19], В. В. Лазарева [27, с. 484] и других, небезосновательно полагающих, что не нормы права формируют принципы, а наоборот: «руководствуясь разными принципами можно создать и разные нормы» [28, с. 30]. На обозначенных позициях стояли и

классики отечественного права и государства. Так, Н. М. Коркунов, например, писал: «закон имеет дело с принципами, с сущностью вещей, а не с их случайной и переходящей формой» [29, с. 18].

Возвращаясь к эволюции формально-юридического закрепления уважения в качестве императива для регулирования общественных отношений, отметим, что ключевое, системообразующее значение для этого, безусловно, заложил Устав Организации Объединенных Наций. В частности, более девяти раз в прямой постановке и на порядок больше — по смыслу упоминается уважение в данном документе. Отсюда и многообразие объектов, на которые должно распространяться такое почтительное, внимательное отношение: права человека (ч. 3 ст. 1), культура (ст. 73), обязательства, вытекающие из норм международного права (преамбула), принцип равноправия и самоопределения народов (ч. 2 ст. 1) и др. Фактически резюмирует необходимость утверждения уважения, как основополагающего начала любой деятельности каждого государства, статья 55, гласящая о том, что достичь «стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружественных отношений между нациями» возможно путем «всеобщего уважения» [30].

Во многом благодаря утверждению указанных начал уважение стало появляться в фокусе исследований отечественных правоведов. Многие российские ученые-юристы на разных этапах заявляли о необходимости уважения относительно чего-либо в праве. К примеру, профессор В. А. Виноградов ранее постулировал необходимость уважения к Конституции Российской Федерации [31, с. 11], а сегодня в условиях цифровой трансформации общественных отношений, геномной эволюции ученые ведут спор о потребности уважения частной жизни [32].

Характерно, что многие авторы не делают акцент на необходимости содержательного подхода к уважению и фактически сводят его либо к практическим формам реализации права (например, «уважение права» равно «защита права») [33; 34], либо такому варианту воплощения в жизнь правоотношений, как «обеспечение» и его синонимичному ряду. К примеру, И. В. Телегина, рассуждая о принципе уважения чести и достоинства в рамках уголовного судопроизводства, не только не остановилась (хотя бы фрагментарно) на сущностных аспектах понимания данного руководящего требования, уравняв его с деятельностью по обеспечению иных компонентов судебного разбирательства, но и

фактически дала ему организационно-процессуальную (процедурную) окраску, а не материальную основу. Автор пишет: «особый интерес в аспекте обеспечения чести и достоинства личности, как представляется, вызывает процедура по установлению личности подсудимого» [35, с. 321]. Остается недоумевать, по какой причине такое отправное начало предварительного расследования, как уважение чести и достоинства личности, может раскрываться посредством процедуры идентификации личности?

Вместе с тем другие авторы подошли к исследованию уважения с глубоко содержательных позиций. Так, одним из первых ученых, который выдвинул идею о необходимости позиционирования уважения в качестве общеправового принципа, был А. С. Мордовец [36, с. 14]. Автор фактически вывел феномен «уважения» на новый уровень: с эфемерного, абстрактного восприятия до конкретного руководства для должностных лиц государства, членов общества, общей цели при построении политической власти в качестве социальной. Впоследствии его научной школой данные аспекты были углублены, получили свое развитие применительно к иной юридической проблематике [37; 38].

С сущностных позиций интересной является точка зрения также таких представителей Саратовской юридической школы, как А. М. Репьева и В. В. Семенов, которые связали уважение с поведением. Так, В. В. Семенов пишет, что «уважение следует рассматривать как правомерное поведение, основанное на глубоком осознании необходимости следования предписаниям закона, установленным в них нормам свободы и возможного поведения других лиц» [39, с. 54]. В схожей интерпретации высказывается А. М. Репьева применительно к специальным субъектам права в виде осужденных: «сущность уважения состоит в правомерном поведении осужденных, основанном на глубоком осознании необходимости следования своим основным обязанностям, распорядку и режиму дня, требованиям администрации» [40, с. 132]. Точка зрения авторов, безусловно, может быть как поддержана, так и развита, углублена.

В частности, импонирует указание на основу такого поведения субъекта, а именно внутренние чувства, устойчивое понимание целесообразности правопослушного поведения. Действительно, применительно к уважению, поведению, основанному на нем, первичное значение имеет внутренняя мотивация лица. Лучшие социальные качества человека

проявляются в уважительном отношении к чему-либо: чуткость, вежливость, корректность и пр. Добиться их воплощения в коммуникации без личностного осознания ценности, как думается, весьма затруднительно.

С другой стороны, позиционирование уважения исключительно в качестве акта поведения субъекта несколько сужает социально-правовое поле его объективации в общественных отношениях и формы проявления. Следовательно, цепочка рассуждения приводит нас к возможности выдвинуть гипотезу, что уважение в праве имеет двуединую природу — чувственную и формально-юридическую (нормативную). Допустимо, как думается, в сказанном видеть определенную эволюцию феномена «уважения»: первично воспринимаемого в виде нравственно-этической ценности, а впоследствии — в качестве нормативного начала, то есть принципа права. Попытаемся аргументировать данный тезис несколько подробнее.

Во-первых, связка уважения с поведенческим аспектом нам не только импонирует, но мы видим в этом конкретное практико-прикладное воплощение. К примеру, законодатель нередко, опираясь на внутренние чувства субъекта, добивается желаемого для общества результата не с опорой на юридическое наказание, а благодаря устойчивому пониманию целесообразности правопослушного поведения. К примеру, многие конституционные, то есть основополагающие обязанности личности, должны исполняться исходя из мотива, заложенного Конституцией Российской Федерации, а именно на основе «уважения к Отечеству» [41].

Во-вторых, исключительно поведенческий ракурс восприятия феномена «уважение» (как было сказано ранее) по своему обедняет его, сужает социально-правовое поле его объективации в общественных отношениях и формы проявления. Более того, в такой интерпретации не остается места для нормативного, формально-юридического обеспечения уважения в реальных общественных отношениях. Полагаем, что без закрепленных в законодательстве мер государственно-правового воздействия (убеждения и принуждения), реализация идеи уважения в праве может так и остаться лишь научной концепцией. К примеру, должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации введена в целях создания режима «уважения государственными органами прав и свобод граждан» [42]. Указанное требование могло бы остаться декларативным, если бы законодательство: во-первых,

не закрепило конкретных организационно-правовых форм реагирования Уполномоченного по правам человека на неуважительное отношение к правам человека (рассмотрение жалоб, запросы о предоставлении информации и пр.); во-вторых, не предусматривало бы мер реагирования на указанное неуважительное отношение, при этом не только сообразно предмету разбирательства (к примеру, в форме административного искового заявления или ходатайства), но и учитывая правовой статус должностного лица.

Сказанное выше обуславливает определение рода дихотомию уважения в праве: от нравственно-этической ценности к юридическому принципу. С одной стороны, как указывали выше, уважение имеет прочную нравственно-этическую основу. Помимо этого, уважение как принцип права само выступает духовной основой, нравственно-этическим базисом для правового и социального государства, строящегося на примате человека, его прав и свобод. Этот аспект проецируется на концепции ответственности государства перед обществом. С другой стороны, уважение наполняется конкретным юридическим содержанием, становится в определенном смысле императивным требованием, руководящим началом для деятельности государства и органов публичной власти. К примеру, в числе принципов международного наблюдения за выборами и референдумами обозначается «уважение национального суверенитета» [43], а одним из принципов международного сотрудничества государств в области воспитания молодежи является «уважение к культуре, языкам, истории и традициям других народов» [44].

В ракурсе приведенных суждений позволим себе с опорой на аргументированную выше двуединую природу уважения как принципа российского права, основывающуюся на нравственно-этических ценностях, чувственной и нормативной составляющих, сформулировать его следующее понятие. По нашему мнению, это *руководящее идейное требование по формированию и реализации поведения (деятельности) участников общественных отношений, основанное на глубоко почтительном отношении к достоинству личности, его социальному и правовому статусу.*

Список источников

1. О чем говорил Президент Владимир Путин, подводя итоги года и отвечая на вопросы журналистов и жителей страны // Российская газета. 2023. 14 декабря.

2. Кант И. О свойствах возвышенного и прекрасного у человека вообще. О национальных характерах, поскольку они основываются на разном чувстве возвышенного и прекрасного: соч. в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. (Философ, наследие. Акад. Наук СССР. Ин-т философии). Москва: Мысль, 1964. Т. 2. 511 с.

3. Локк Дж. Мысли о воспитании и воспитании разума / введ. и прим. Эв. Даниэля; пер. с англ. М. А. Энгельгардта. Санкт-Петербург: Тип. «Север», 1913. 338 с.

4. Бубер М. Два образа веры / пер. с нем. В. В. Рынкевича, вступит. ст. Г. С. Померанца. Москва: Республика, 1995. 462 с.

5. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное / пер. И. С. Вдовина, Б. В. Дубин. Москва: Культур. инициатива; Санкт-Петербург: Университет. кн., 2000. 415 с.

6. Марков А. И. Формирование уважения к праву в системе подготовки курсантов ВУЗов МВД России // Юристъ-Правоведъ. 2001. № 2 (3). С. 9–14.

7. Турсунова Ш. А. Лексико-семантическая репрезентация и структурная организация концепта «уважение» // Вестник Педагогического университета. 2020. № 4 (87). С. 114–117.

8. Еллинек Г. Социально-этическое значение права, неправды и наказания / пер. И. В. Власовой, под ред. А. А. Рождественского; предисл. П. И. Новгородского. Москва: Т-во «Печатня С. П. Яковлова», 1910. 158 с.

9. Спенсер Г. Справедливость / пер. с англ., ред. д-ра филос. М. Филиппова. Санкт-Петербург: Тип. А. Пороховщикова, 1897. 256 с.

10. Тонков Е. Е. Уважение к закону как политическая религия // Конституционализм: симбиоз науки и практики: материалы Международного круглого стола, посвященного памяти и 80-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, д-ра юрид. наук, проф. Н. В. Витрука, Белгород, 30 ноября 2017 года / отв. ред. М. В. Мархгейм. Белгород: ООО ГИК, 2017. С. 6–11.

11. Великая хартия вольностей // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. Государство древних франков. Англо-саксонское государство. Англия. Германия. Испания. Италия. Франция. Албания. Болгария / под ред. акад. В. М. Корецкого. Москва: Юрид. лит., 1961. 965 с.

12. Настольный энциклопедический словарь / А. Гранат и Ко. Т. VIII: Сладкое дерево — V. 2-е. стереот. изд. Москва: Высоч. утв. Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1897. 447 с.

13. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. Москва: Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.

14. Шершеневич Г. Ф. Избранное: в 6 т. Т. 2, включая Курс гражданского права / вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. Москва: Статут, 2017. 704 с.

15. Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / под ред. Э. Л. Радлова. Санкт-Петербург: Тип. Акционерного общества Брокгауз-Ефронъ, 1911. 284 с.
16. Брюнелли П. А. Права русского гражданина, как их определять, как их осуществлять, как их отстаивать. Санкт-Петербург: Изд-во «Вестника Знания» (В. В. Битнера), 1913. 208 с.
17. Алексеев А. С. Русское государственное право: пособие к лекциям ординарного проф. Имп. Московского ун-та А. С. Алексеева. Москва: Типо-Литография Г. И. Простакова, 1905. 281 с.
18. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве / пер. И. А. Базанова; под ред. проф. Ю. С. Гамбарова. Москва: Тип. Высочайш. утв. Т-ва И.Д. Сытина, 1897. 296 с.
19. Устав уголовного судопроизводства: Судебные уставы Императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. 6-е испр. и доп. изд. С. Г. Щегловитова. Санкт-Петербург: Тип. А. С. Суворина, 1895. 555 с.
20. О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах: постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27 июня 1936 года // Собрание законов СССР. 1936. № 34, ст. 309.
21. О судебной практике по делам о хулиганстве: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 апреля 1939 года // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.12.2019).
22. О внесении дополнений и изменений в Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик: указ Президиума ВС СССР от 8 февраля 1977 года № 5201-IX, ст. 39.4 // Ведомости ВС СССР. 1977. № 7, ст. 118.
23. О внесении изменений и дополнений в Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик: закон СССР от 25 июня 1980 года № 2370-X, ст. 3 // Ведомости ВС СССР. 1980. № 27, ст. 545.
24. Полежай П. Т. Советское право и политика в период строительства коммунизма: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. 37 с.
25. Шебанов А. Ф. Вопросы теории нормативных актов в советском праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1965. 46 с.
26. Дюрягин И. Я. Об истинности содержания правоприменительного акта // Советское государство и право. 1975. № 2. С. 11–19.
27. Лазарев В. В. Избранные труды: в 3 т. Т. II: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение. Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «ЮСТ». Москва: Новая юстиция, 2010. 504 с.
28. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. 192 с.
29. Коркунов Н. М. Указ и закон. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. 408 с.
30. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 года) (с изм. и доп. от 20 декабря 1971 года), п. «с» ст. 55 // Действующее международное право. Т. 1. Москва: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 7–33.
31. Виноградов В. А. Правовое государство — залог уважения к конституции // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2013. № 12. С. 8–11.
32. Лозовская С. В., Шодонова М. Э. Право на уважение частной жизни и инновации в технике // Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке: материалы VI международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию Юридического факультета, Улан-Удэ, 18–21 июня 2015 года / под ред. И. А. Шаралдаевой. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2015. С. 47–51.
33. Алменов Б. А. Уважение и защита прав человека // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 3. С. 117–119.
34. Фомина Л. Ю. Защита права на уважение частной жизни судей: позиции Европейского суда по правам человека // Правосудие/Justice. 2020. Т. 2. № 3. С. 146–164.
35. Телегина И. В. Реализация принципа уважения чести и достоинства личности в судебном разбирательстве // Бизнес в законе. 2008. № 3. С. 321–323.
36. Мордовец А. С. Уважение как универсальный принцип прав человека и гражданина // Уважение как принцип деятельности правоохранительных органов: межвузовский сборник / под ред. А. С. Мордовца, А. П. Плешакова. Саратов: СЮИ МВД России, 2004. С. 3–14.
37. Репьев А. Г. Человеческое достоинство и правовое преимущество: диалектика взаимосвязи категорий // Государство и право. 2017. № 6. С. 109–113.
38. Репьев А. Г., Репьева А. М. Нравственно-правовые категории «уважение» и «достоинство» с позиции ценностного подхода (на примере уголовно-исполнительного права) // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23). С. 77–81.
39. Семенов В. В. Уважение к праву и правам человека как принцип деятельности органов внутренних дел // Уважение как принцип деятельности правоохранительных органов: межвузовский сборник / под ред. А. С. Мордовца, А. П. Плешакова. Саратов: СЮИ МВД России, 2004. С. 53–61.
40. Репьева А. М. Уважение как принцип уголовно-исполнительного права: pro et contra // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 25–26 ок-

тября 2017 года / отв. ред. А. Г. Чириков. Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. С. 131–133.

41. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года), преамбула // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

42. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 года № 1-ФКЗ: в ред. от 29 мая 2023 года, ч. 1 ст. 1 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 9, ст. 1011; 2023. № 23. Ч. I, ст. 3998.

43. О законодательном обеспечении электро-альных процессов в государствах — участниках Содружества Независимых Государств: постановление № 54-4 Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, ст. 6 // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <http://cis.minsk.by> (дата обращения: 25.12.2023).

44. О Плана мероприятий на 2023–2024 годы по реализации Стратегии международного молодежного сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств на 2021–2030 годы: решение Совета министров иностранных дел СНГ (принято в г. Астане 12 октября 2022 года) // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <http://cis.minsk.by/> (дата обращения: 25.12.2023).

References

1. What President Vladimir Putin talked about, summing up the results of the year and answering questions from journalists and residents of the country. *Rossiyskaya Gazeta*, 2023, December 14. (In Russ.)

2. Kant I. About the properties of the sublime and beautiful in man in general. About national characters, because they are based on a different sense of the sublime and the beautiful. Works in six volumes / gen. ed. by V. F. Asmus, A. V. Gulyga, T. I. Oizerman. Moscow: Mysl Publ., 1964. Vol. 2. 511 p. (In Russ.)

3. Lock J. Thoughts on the education and upbringing of the mind / introduction and note by Ev. Daniel; transl. from the English by M. A. Engelhardt. St. Petersburg: "North" Publ., 1913. 338 p. (In Russ.)

4. Buber M. Two images of faith / transl. from German by V. V. Rynkevich, intro by G. S. Pomerants. Moscow: Republic Publ., 1995. 462 p. (In Russ.)

5. Levinas E. Favorites. Totality and the Infinite / transl. by I. S. Vdovina, B. V. Dubin. Moscow: Cultural initiative Publ.; St. Petersburg: University book Publ., 2000. 415 p. (In Russ.)

6. Markov A. I. Formation of respect for law in the system of training cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Jurist-Pravoved*, 2001, no. 2 (3), pp. 9–14. (In Russ.)

7. Tursunova Sh. A. Lexico-semantic representation and structural organization of the concept of "respect" //

Bulletin of the Pedagogical University. 2020, no. 4 (87), pp. 114–117. (In Russ.)

8. Yellinek G. The socio-ethical significance of law, injustice and punishment / transl. by I. V. Vlasova, ed. by A. A. Rozhdestvensky; preface by P. I. Novgorodsky. Moscow: S. P. Yakovlov Publ., 1910. 158 p. (In Russ.)

9. Spencer G. Justice / transl. from English, ed. by Dr. M. Filippov, Doctor of Philosophy. St. Petersburg: A. Porokhovshchikov Publ., 1897. 256 p. (In Russ.)

10. Tonkov E. E. Respect for the law as a political religion. Constitutionalism: symbiosis of science and practice: materials of the International round table dedicated to the memory and 80th anniversary of the birth of Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law, Professor N. V. Vitruk, Belgorod, November 30, 2017 / ed. by M. V. Markheim. Belgorod: GiK Publ., 2017. Pp. 6–11. (In Russ.)

11. Magna Carta. Anthology of monuments of the feudal state and the law of European countries. The state of the ancient Franks. The Anglo-Saxon state. England. Germany. Spain. Italy. France. Albania. Bulgaria / ed. by academician V. M. Koretsky. Moscow: Legal lit. Publ., 1961. 965 p. (In Russ.)

12. Desktop encyclopedic dictionary / A. Garnet and Co. Vol. VIII: Sweet tree — V. 2nd. stereot. ed. Moscow: High. approved. T-vo Skoroprinni A. A. Levenson Publ., 1897. 447 p. (In Russ.)

13. Philosophical encyclopedic dictionary / gen. ed. board: L. F. Ilyichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov. Moscow: Sov. Encyclopedia Publ., 1983. 840 p. (In Russ.)

14. Shershenevich G. F. Favorites: in 6 vols. Vol. 2, including the Course of civil law / intro. world, comp. P. V. Krashenninikov. Moscow: Statute Publ., 2017. 704 p. (In Russ.)

15. Philosophical Dictionary of Logic, psychology, ethics, aesthetics and the history of philosophy / ed. by E. L. Radlov. St. Petersburg: Brockhaus-Efron Joint Stock Company Publ., 1911. 284 p. (In Russ.)

16. Brunelli P. A. The rights of a Russian citizen, how to define them, how to exercise them, how to defend them. St. Petersburg: "Bulletin of Knowledge" (V. V. Bitner) Publ., 1913. 208 p. (In Russ.)

17. Alekseev A. S. Russian state law: a manual for lectures by ordinary professor. Imp. of the Moscow University A. S. Alekseev. Moscow: G. I. Prostakov Publ., 1905. 281 p. (In Russ.)

18. Regelsberger F. The general doctrine of law / transl. by I. A. Bazanova; ed. by prof. Yu. S. Gambarova. Moscow: I. D. Sytina Publ., 1897. 296 p. (In Russ.)

19. The Statute of Criminal Proceedings: Judicial statutes of Emperor Alexander II with legislative motives and explanations. 6th ed. and add. by S. G. Shcheglovitova. St. Petersburg: A. S. Suvorina Publ., 1895. 555 p. (In Russ.)

20. On the prohibition of abortions, increasing financial assistance to women in labor, establishing state as-

sistance to multi-family families, expanding the network of maternity hospitals, nurseries and kindergartens, strengthening criminal penalties for non-payment of alimony and on some changes in divorce legislation: resolution of the Central Executive Committee of the USSR no. 65, Council of People's Commissars of the USSR no. 1134 of June 27, 1936. *Collection of laws of the USSR*, 1936, no. 34, art. 309. (In Russ.)

21. On judicial practice in cases of hooliganism: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of April 29, 1939. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.12.2023). (In Russ.)

22. On making additions and amendments to the Fundamentals of correctional labor legislation of the USSR and the Union Republics: decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of February 8, 1977 no. 5201-IX, art. 39.4. *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*, 1977, no. 7, art. 118. (In Russ.)

23. On amendments and additions to the Fundamentals of legislation on the judicial system of the Union SSR, Union and autonomous republics: law of the USSR of June 25, 1980 no. 2370-X, art. 3. *Vedomosti VS USSR*, 1980, no. 27, art. 545. (In Russ.)

24. Polezhai P. T. Soviet law and politics during the construction of communism. Author's abstract... doctor of legal sciences. Kharkov, 1967. 37 p. (In Russ.)

25. Shebanov A. F. Questions of the theory of normative acts in Soviet law. Author's abstract... doctor of legal sciences. Moscow, 1965. 46 p. (In Russ.)

26. Duryagin I. Ya. On the truth of the content of the law enforcement act. *The Soviet state and law*, 1975, no. 2, pp. 11–19. (In Russ.)

27. Lazarev V. V. Selected works: in 3 vols. Vol. II: Gaps in legislation: establishment, overcoming, elimination. The Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation, Jurid. YUST firm. Moscow: New Justice Publ., 2010. 504 p. (In Russ.)

28. Cherdantsev A. F. Logical and linguistic phenomena in law, legal science and practice. Yekaterinburg: UIF Nauka Publ., 1993. 192 p. (In Russ.)

29. Korkunov N. M. Decree and law. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Publ., 1894. 408 p. (In Russ.)

30. The Charter of the United Nations (adopted in San Francisco of June 26, 1945) (with amendments and additions of December 20, 1971), p. "c", art. 55. *Current international law*. Vol. 1. Moscow: Moscow Independent Institute of International Law Publ., 1996. Pp. 7–33. (In Russ.)

31. Vinogradov V. A. The rule of law — the pledge of respect for the Constitution. *Bulletin of the penal enforcement system*, 2013, no. 12, pp. 8–11. (In Russ.)

32. Lozovskaya S. V., Shodonova M. E. The right to respect for private life and innovations in technology. Problems and prospects of state and law development in the XXI century: materials of the VI International scientific and practical conference dedicated to the 10th anniversary of the Faculty of Law, Ulan-Ude, June 18–21, 2015 / ed. by I. A. Sharaldaeva. Ulan-Ude: East Siberian

State University of Technology and Management Publ., 2015. Pp. 47–51. (In Russ.)

33. Almenov B. A. Respect and protection of human rights. *International Journal of Experimental Education*, 2013, no. 3, pp. 117–119. (In Russ.)

34. Fomina L. Y. Protection of the right to respect for the private life of judges: positions of the European Court of Human Rights. *Justice/Justice*, 2020, vol. 2, no. 3, pp. 146–164. (In Russ.)

35. Telegina I. V. Implementation of the principle of respect for honor and dignity of the individual in court proceedings. *Business in law*, 2008, no. 3, pp. 321–323. (In Russ.)

36. Mordovets A. S. Respect as a universal principle of human and civil rights. Respect as a principle of law enforcement agencies: interuniversity collection / ed. by A. S. Mordovets, A. P. Pleshakov. Saratov: SIU of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2004. Pp. 3–14. (In Russ.)

37. Repeyev A. G. Human dignity and legal advantage: dialectics of the interrelation of categories. *State and law*, 2017, no. 6, pp. 109–113. (In Russ.)

38. Repeyev A. G., Repeyeva A. M. Moral and legal categories "respect" and "dignity" from the standpoint of a value approach (on the example of penal enforcement law). *Altai Legal Bulletin*, 2018, no. 3 (23), pp. 77–81. (In Russ.)

39. Semenov V. V. Respect for law and human rights as a principle of activity of internal affairs bodies. Respect as a principle of activity of law enforcement agencies: interuniversity collection / ed. by A. S. Mordovets, A. P. Pleshakov. Saratov: SIU of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2004. Pp. 53–61. (In Russ.)

40. Repeyeva A. M. Respect as a principle of penal enforcement law: pro et contra. Penal enforcement system today: interaction of science and practice: materials of the All-Russian Scientific and practical conference, Novokuznetsk, October 25–26, 2017 / ed. by A. G. Chirikov. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service Publ., 2017. Pp. 131–133. (In Russ.)

41. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote of December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote of January 7, 2020), preamble. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 04.07.2020). (In Russ.)

42. On the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation: federal constitutional law no. 1-FKZ of February 26, 1997 (as amended of May 29, 2023), part 1 of Article 1. *Collection of legislative acts of the RF*, 1997, no. 9, art. 1011; 2023, no. 23, part I, art. 3998. (In Russ.)

43. On legislative support of electoral processes in the member States of the Commonwealth of Independent States: resolution no. 54-4 of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States, article 6. Unified Register of Legal Acts and Other Documents of the CIS. URL: <http://cis.minsk.by> (accessed 25.12.2023). (In Russ.)

44. On the Action Plan for 2023–2024 for the implementation of the Strategy of International Youth Cooperation of the member States of the Commonwealth of Independent States for 2021–2030: decision of the Council of Ministers of Foreign Affairs of the CIS (adopted in Astana of October 12, 2022). Unified Register of Legal Acts and other Documents of the CIS. URL: <http://cis.minsk.by> (accessed 25.12.2023). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.12.2023; одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 27.12.2023; approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 05.03.2024.